

Платон Аристонович

---

К ВОПРОСУ  
О ПРИРОДЕ  
ИСТОРИЧЕСКОГО  
БЫТИЯ

---

*Философское исследование*

Платон Аристонович

**К вопросу о природе  
исторического бытия**

«Автор»

2026

**Аристонович П.**

К вопросу о природе исторического бытия / П. Аристонович —  
«Автор», 2026

Настоящее исследование посвящено проблеме природы исторического бытия и условиям его определения в философском познании. Исходным предметом рассмотрения является вопрос о том, что делает историческое историческим и каким образом историческое может быть выделено в качестве самостоятельного предмета исследования. В связи с этим последовательно рассматриваются понятия истории, исторического, историчности и исторического бытия, а также их соотношение с категориями времени, изменения, события, последовательности и причинности.

© Аристонович П., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                                   |    |
|---------------------------------------------------|----|
| Введение                                          | 5  |
| Глава I. К вопросу о постановке вопроса           | 11 |
| Глава II. Предварительные основания исторического | 19 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                 | 25 |

# К вопросу о природе исторического бытия

## Введение

### О необходимости постановки вопроса

Современная мысль располагает средствами познания, о которых предшествующие эпохи не могли даже предполагать. Объём накопленного человечеством знания непрерывно возрастает, отдельные науки расширяют пределы своей компетенции, возникают новые области исследования, уточняются прежние представления о природе, человеке и обществе. То, что ещё недавно казалось недоступным непосредственному наблюдению или принципиальному пониманию, становится предметом систематического исследования; явления, которые прежде могли быть объяснены лишь посредством общих и потому неизбежно недостаточно определённых представлений, получают всё более точные описания, измерения и классификации.

Это обстоятельство настолько очевидно, что само по себе уже редко становится предметом удивления. Мы привыкли к тому, что знание расширяется. Новые исследования уточняют старые, частные дисциплины выделяются из более общих, методы становятся более специализированными, а накопленный материал позволяет задавать вопросы, постановка которых ранее была невозможна просто вследствие отсутствия необходимых средств наблюдения, сравнения или теоретического анализа.

Однако именно здесь возникает обстоятельство, которое, несмотря на свою кажущуюся простоту, заслуживает отдельного рассмотрения. Увеличение количества знания не тождественно увеличению понимания. Данное положение не следует понимать как отрицание значения научного прогресса. Напротив, невозможно отрицать, что расширение знания во многих случаях непосредственно связано с расширением возможностей понимания. Чем больше известно о каком-либо явлении, тем больше возможностей существует для установления его свойств, связей и закономерностей. Тем не менее между знанием отдельных фактов и пониманием того, что делает их фактами определённого рода, существует различие, которое не всегда оказывается очевидным в пределах специализированного исследования.

Можно знать всё больше о некотором предмете, не задаваясь вопросом о том, каким образом этот предмет вообще выделяется в качестве предмета знания. Можно знать множество исторических событий, не исследуя предварительно, что означает быть историческим событием. Можно знать последовательность изменений, не определив, что делает эту последовательность историей. Можно обладать огромным количеством сведений о человеке, обществе или природе и при этом не иметь окончательного ответа на вопрос о том, каким образом сами понятия «человек», «общество» или «природа» приобретают определённую в рамках соответствующего знания.

В этом отношении современная дифференциация наук представляет собой одновременно достижение и проблему. С одной стороны, специализация позволяет рассматривать предмет с такой степенью точности, которая была бы невозможна при сохранении исключительно общего способа исследования. С другой стороны, сама специализация неизбежно предполагает некоторое ограничение поля зрения. Исследователь, стремящийся к точности, должен ограничивать предмет; но ограничение предмета требует уже некоторого предварительного решения относительно того, что именно следует считать предметом.

Иными словами, точность исследования предполагает определённую предметность исследования. Но откуда возникает эта определённая предметность? Если физика исследует физические процессы, то понятие физического процесса уже некоторым образом выделено до конкретного исследо-

вания. Если биология исследует живые организмы, то само различие живого и неживого не является результатом каждого отдельного биологического исследования. Если экономика рассматривает производство, обмен или распределение, то соответствующие понятия также не возникают заново в каждом исследовании.

Это не означает, разумеется, что данные понятия неизменны или не подлежат критическому пересмотру. Напротив, история наук показывает, что сами предметные границы дисциплин способны изменяться. Однако возможность такого изменения лишь усиливает поставленный вопрос: если предмет может быть переопределён, то должно существовать некоторое основание, позволяющее различать различные способы его определения. Таким образом, проблема заключается не в недостатке специальных знаний. В известном смысле положение является прямо противоположным: именно избыток специализированного знания позволяет особенно ясно увидеть необходимость обращения к вопросам более общего характера.

Мы располагаем всё большим количеством ответов, не будучи в достаточной степени уверенными в том, на какие именно вопросы они отвечают. Это обстоятельство особенно заметно в отношении знания исторического. История обладает особым положением среди областей человеческого знания. С одной стороны, она имеет дело с единичным, произошедшим, с тем, что уже не существует в своей непосредственной форме и потому может быть доступно нам только посредством сохранившихся следов, свидетельств, документов, памятников, воспоминаний и других форм передачи. С другой стороны, историческое знание не ограничивается простым перечислением произошедшего. Историк устанавливает связи между событиями, различает причины и следствия, определяет последовательности, выделяет периоды, сопоставляет процессы, устанавливает изменения и пытается понять их значение.

Тем самым историческое знание неизбежно имеет дело не только с тем, что произошло, но и с тем, как произошедшее становится определённым для знания в качестве исторического. Здесь и возникает исходная проблема настоящего исследования. Что делает историческое историческим? На первый взгляд данный вопрос может показаться излишним. Можно возразить, что историческим является то, что относится к истории, а история, в свою очередь, есть совокупность событий прошлого. Однако такое определение лишь переносит проблему с одного понятия на другое. Если историческое определяется посредством истории, необходимо определить историю; если история определяется посредством прошлого, необходимо определить, что означает прошлое; если же прошлое определяется как то, что уже произошло, возникает вопрос о том, что означает само произошедшее.

Возможно, подобная последовательность вопросов покажется чрезмерной. Действительно, в повседневном употреблении мы без особых затруднений различаем прошлое и настоящее, исторические события и события текущей жизни, исторические процессы и иные формы изменения. Однако отсутствие затруднения в практическом употреблении понятия ещё не означает отсутствия теоретической проблемы. Мы пользуемся множеством понятий, не испытывая необходимости каждый раз устанавливать условия их возможности. Более того, именно возможность беспрепятственного использования понятия зачастую скрывает от нас его предпосылки. Пока понятие выполняет свою функцию, вопрос о том, каким образом оно эту функцию выполняет, может оставаться незаметным.

Но философское исследование начинается именно там, где обычная очевидность перестаёт считаться достаточным основанием. Поэтому вопрос о природе исторического бытия не может, как представляется, начинаться непосредственно с перечисления исторических фактов, анализом отдельных эпох или сравнением различных форм исторического процесса. Всё это необходимо для исторического знания, однако ни один из перечисленных способов исследования сам по себе ещё не отвечает на вопрос о том, что делает возможным само различие исторического.

Иначе говоря, прежде чем спрашивать: что такое историческое бытие? необходимо спросить: что означает спрашивать о природе исторического бытия? Последний вопрос может показаться лишь усложнённой формой первого. Однако различие между ними имеет принципиальное значение. В первом случае предмет вопроса принимается как уже определённый: мы знаем, что именно понимаем под историческим бытием, и стремимся установить его природу. Во втором случае под вопрос поставлена сама возможность такого определения.

Это различие нельзя считать чисто словесным. Чтобы задать вопрос о предмете, необходимо некоторым образом выделить этот предмет. Чтобы выделить предмет, необходимо иметь основание для его отличия от того, чем он не является. Следовательно, любой вопрос уже предполагает некоторое предварительное различие. Вопрос не возникает из полной неопределённости: если бы предмет был совершенно неопределён, невозможно было бы даже указать, о чём именно спрашивается.

Отсюда возникает следующее обстоятельство. Если вопрос предполагает определённость своего предмета, то исследование природы предмета должно каким-либо образом учитывать условия этой определённости. Но если мы начинаем исследовать условия определённости самого вопроса, мы тем самым переходим от предмета к условию его постановки. А если условие постановки вопроса также требует определения, возникает необходимость обратиться к условиям уже этого определения.

Здесь, однако, возникает опасность, которую необходимо обозначить заранее. Подобное рассуждение легко может превратиться в бесконечное отступление от предмета исследования. Вместо того чтобы исследовать историческое бытие, мы можем оказаться занятыми исследованием условий возможности исследования исторического бытия, затем условий возможности исследования этих условий и так далее, не приблизившись к исходной проблеме. Такой результат был бы, по меньшей мере, неудовлетворительным. Поэтому необходимо различать два совершенно разных случая. В первом случае обращение к предварительным основаниям действительно необходимо, поскольку без него невозможно определить предмет исследования.

Во втором случае предварительное исследование становится самоцелью и тем самым препятствует переходу к первоначально поставленному вопросу. Различить эти случаи, однако, возможно только после того, как будет установлено, что именно следует понимать под предварительным основанием. Таким образом, даже здесь мы сталкиваемся с необходимостью предварительного определения. Но данная необходимость не должна рассматриваться как недостаток метода. Напротив, она может указывать на особенность самого предмета исследования. Если предмет предполагает определённые условия собственной определённости, то обращение к этим условиям не является произвольным усложнением, а представляет собой необходимую часть исследования.

Вопрос, следовательно, заключается не в том, можем ли мы обойтись без предварительных определений. Вопрос заключается в том, какие именно определения являются необходимыми и в какой момент предварительное определение перестаёт быть условием исследования и становится препятствием для него. Это различие представляется особенно существенным для исследования исторического. Историческое, в отличие от многих предметов естественно-научного исследования, не может быть без остатка отделено от условий, в которых оно становится предметом знания. Историческое событие существует как произошедшее; однако его определение как события, его включение в последовательность событий, установление его значимости и его отношение к другим событиям осуществляются в определённых познавательных и исторических формах.

Тем самым возникает своеобразная двойственность. С одной стороны, историческое существует независимо от того, знаем ли мы о нём. С другой стороны, историческое как предмет знания не существует для нас независимо от способов, посредством которых оно становится доступным определению. Нельзя, следовательно, просто отождествить историческое с

историческим знанием. Но нельзя и полностью отделить их друг от друга. Именно это обстоятельство делает необходимым более строгое разграничение понятий. История не должна быть без дополнительного рассмотрения отождествлена с совокупностью всего произошедшего. Историческое не должно быть сведено к совокупности исторических фактов. Историчность не должна рассматриваться лишь как внешнее свойство того, что произошло во времени.

Если подобные различия действительно имеют основание, то необходимо установить их структуру и взаимное отношение. Однако прежде чем переходить к этому, необходимо сделать ещё одно замечание. Вопрос о природе исторического бытия не может быть решён простым введением нового термина. Само по себе различие понятий ещё не является их объяснением. Можно создать сколько угодно терминов, обозначающих различные стороны одного и того же явления, но увеличение количества терминов не приводит автоматически к увеличению содержания мысли. Поэтому всякое терминологическое различие должно быть оправдано различием в самом предмете или, по крайней мере, в способе его определения. Это обстоятельство представляется особенно важным потому, что философия обладает постоянным искушением принимать различие слов за различие понятий, а различие понятий — за различие предметов. Настоящее исследование должно по возможности избегать подобной ошибки. Но избежать ошибки можно лишь в том случае, если сначала будет определено, что именно следует считать ошибкой в данном исследовании. И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о предварительных основаниях.

Возможно, данное возвращение уже само по себе свидетельствует о некоторой особенности поставленной проблемы. Возможно также, что оно является следствием недостаточно строго определённого метода. На данном этапе было бы преждевременно выбирать между этими объяснениями. Именно поэтому настоящее исследование не ставит своей первоначальной целью немедленное получение окончательного определения исторического бытия. Его ближайшая задача скромнее и одновременно, как представляется, фундаментальнее: установить те условия, при которых вопрос о природе исторического бытия вообще может быть поставлен в строгой форме.

Лишь после этого можно будет перейти к рассмотрению самого исторического. При этом необходимо заранее оговорить, что под строгостью здесь не следует понимать исключительно формальную точность определения. Строгость исследования предполагает прежде всего соответствие между поставленным вопросом, используемыми понятиями и основаниями, на которых строится переход от одного положения к другому. Если вопрос предполагает понятие, которое ещё не определено, это должно быть признано.

Если определение предполагает более общее понятие, последнее также должно быть рассмотрено. Если же в результате подобного рассмотрения обнаруживается, что первоначальный вопрос зависит от целого ряда предварительных условий, то исследование не вправе просто игнорировать эти условия ради внешней простоты изложения. Вместе с тем признание необходимости предварительного анализа не даёт права бесконечно откладывать обращение к самому предмету. Поэтому одна из задач настоящего исследования будет состоять также в установлении предела предварительности. До какого момента необходимо возвращаться к основаниям? Где заканчивается необходимая предпосылка и начинается излишнее усложнение? Можно ли установить этот предел до самого исследования или он становится видимым только в ходе исследования? И если последнее верно, не означает ли это, что само исследование должно каким-то образом содержать критерий собственной достаточности?

Вопросы эти не являются второстепенными. Если историческое бытие действительно обладает особой структурой, то возможно, что способ его исследования также не может быть совершенно внешним по отношению к этой структуре. Если историческое предполагает определённое отношение между произошедшим, настоящим и будущим, то и наше исследование исторического осуществляется из некоторой временной позиции. Если историческое знание

связано с человеческим существованием, то исследователь не может быть полностью вынесен за пределы той исторической действительности, которую он стремится понять. Тем самым возникает ещё одна проблема, к которой нам впоследствии придётся обратиться: может ли исследователь занимать внешнее положение по отношению к историческому? Если может, то каким образом? Если не может, то что происходит с объективностью исследования?

И если объективность не может быть абсолютной, означает ли это невозможность объективности вообще? На данном этапе мы не будем отвечать на эти вопросы. Было бы методологически неверно делать окончательные выводы до рассмотрения оснований, на которых такие выводы могли бы быть построены. Однако уже сейчас можно зафиксировать одно обстоятельство. Историческое знание предполагает не только знание исторического, но и определённое понимание того, что означает знать историческое. А последнее, в свою очередь, предполагает некоторое понимание самого знания. Таким образом, исследование исторического неизбежно соприкасается с более общими вопросами — о предмете, познании, времени, определении, отношении субъекта и объекта.

Это, однако, не означает, что настоящее исследование должно превратиться в изложение общей теории познания или метафизики. Напротив, его задача состоит в том, чтобы выяснить, в какой мере эти общие вопросы необходимы именно для понимания исторического. Иными словами, речь идёт не о расширении предмета исследования ради самого расширения, а о выявлении тех его оснований, без которых предмет перестаёт быть определяемым. Так возникает необходимость постановки исходного вопроса. Не потому, что существующее историческое знание является недостаточным в своём собственном отношении. Не потому, что историки не задавались вопросами о природе исторического. И, разумеется, не потому, что до настоящего времени история оставалась областью, лишённой теоретического осмысления.

Напротив, история философской и исторической мысли предоставляет огромное количество попыток понять время, изменение, событие, историческую необходимость, человеческую деятельность и историческое сознание. Но именно наличие множества подходов делает необходимым выяснить, что именно объединяет и различает их как подходы к одному предмету. Прежде чем сравнивать ответы, необходимо установить вопрос. Прежде чем установить вопрос, необходимо определить предмет. Прежде чем определить предмет, необходимо определить условия его определяемости. И прежде чем определить эти условия, необходимо установить, что означает вообще определять. На этом месте исследование сталкивается с необходимостью сделать выбор. Можно остановиться и признать, что подобное движение уводит нас слишком далеко от первоначальной проблемы. Можно, напротив, продолжить его и попытаться установить наиболее общие основания определения.

Первый путь имеет преимущество простоты, но рискует принять предпосылки за самоочевидные. Второй обладает преимуществом большей последовательности, но рискует превратить последовательность в бесконечное предварительное исследование. Настоящая работа избирает второй путь. Не потому, что он заранее признан единственно правильным, а потому, что возможность первого требует ещё доказательства. Именно поэтому дальнейшее исследование начнётся не с окончательного определения исторического бытия, а с вопроса о самом акте постановки вопроса. Лишь установив, что означает поставить вопрос о предмете, можно будет перейти к определению самого предмета. Лишь определив предмет, можно будет рассмотреть его структуру. Лишь рассмотрев структуру, можно будет говорить о его бытии. И лишь после этого, возможно, окажется возможным ответить на исходный вопрос:

что делает историческое историческим? Не исключено, что ответ на него окажется значительно сложнее первоначального вопроса. Не исключено также, что сама постановка вопроса потребует пересмотра. Но именно возможность такого пересмотра и составляет, как представляется, достаточное основание для того, чтобы начать исследование. Настоящая работа поэтому не претендует на то, чтобы с самого начала дать окончательное определение истори-

ческого бытия. Её задача заключается в более предварительном — но именно поэтому, возможно, более необходимом — установлении тех оснований, без которых всякое последующее определение рискует оказаться лишь формальным. И если в дальнейшем выяснится, что некоторые из принятых здесь оснований были недостаточны, это не будет означать полного отрицания предпринятой попытки. Напротив, обнаружение недостаточности основания может оказаться первым условием его дальнейшего определения. Поэтому прежде чем спрашивать о природе исторического бытия, необходимо спросить о возможности самого вопроса. А прежде чем отвечать на этот вопрос, необходимо выяснить, что означает возможность вопроса вообще. Именно с этого следует начать.

## Глава I. К вопросу о постановке вопроса

В предыдущем разделе было показано, что вопрос о природе исторического бытия не может быть поставлен без некоторого предварительного определения того, что именно понимается под историческим бытием. Однако уже это положение требует уточнения. Само по себе указание на необходимость предварительного определения ещё не позволяет считать предмет определённым, поскольку остаётся неясным, что означает определение в данном случае и каким образом определённость предмета соотносится с вопросом, посредством которого предмет становится предметом исследования. Именно здесь обнаруживается необходимость обратиться к самому вопросу. На первый взгляд подобное обращение может показаться излишним. Если вопрос уже сформулирован, то, казалось бы, нет оснований дополнительно исследовать его как вопрос. Мы можем спросить, что такое историческое бытие, и затем посредством анализа понятий, исторического материала и существующих теоретических подходов попытаться получить соответствующий ответ.

Однако такая последовательность предполагает, что вопрос уже обладает достаточной определённостью для того, чтобы служить исходным пунктом исследования. Между тем вопрос не является лишь последовательностью слов, заканчивающейся вопросительным знаком. Вопрос предполагает предмет, к которому он относится; предполагает различие между тем, что известно, и тем, что подлежит выяснению; предполагает некоторую позицию спрашивающего; предполагает возможность ответа и, наконец, предполагает некоторое понимание того, что означает сам переход от незнания к знанию. Поэтому вопрос нельзя рассматривать как совершенно нейтральную форму, в которую впоследствии помещается содержание.

Напротив, сама форма вопроса уже определённым образом организует это содержание. Когда мы спрашиваем: «Что есть историческое бытие?», мы тем самым уже предполагаем, что существует нечто, что может быть обозначено как историческое бытие, что это нечто обладает некоторой природой и что природа эта может быть предметом определения. Следовательно, вопрос не только направлен на предмет. В известном смысле он уже содержит определённое отношение к предмету. Это отношение необходимо рассмотреть прежде, чем переходить к самому предмету.

### 1. О вопросе как отношении

Любой вопрос предполагает спрашивающего и то, о чём спрашивается. Однако из этого ещё не следует, что вопрос является исключительно субъективным актом. Если я спрашиваю, сколько времени, мой вопрос обусловлен моим незнанием, но ответ на него не определяется исключительно моим желанием получить тот или иной результат. Если сейчас три часа, то вопрос не создаёт трёх часов посредством самого факта своего возникновения. Следовательно, необходимо различать вопрос как акт и вопрос как отношение к некоторому предмету. Акт спрашивания принадлежит субъекту. Предмет вопроса не обязательно принадлежит субъекту в том же смысле. Тем самым уже в простейшем вопросе возникает различие между субъектом и предметом.

Но это различие не является достаточным. Чтобы вопрос был направлен на предмет, субъект должен каким-либо образом определить предмет как то, о чём он спрашивает. Иначе вопрос не имел бы направления. Можно представить совершенно неопределённое спрашивание — некоторое состояние незнания, желание знать или даже потребность в объяснении. Однако такое состояние ещё не является вопросом в строгом смысле, поскольку в нём отсутствует определённость того, относительно чего требуется знание.

Следовательно, вопрос предполагает предмет. Но предмет вопроса не может быть просто данным вопросу в готовом виде. Чтобы нечто стало предметом вопроса, оно должно быть некоторым образом выделено. Таким образом, возникает первая последовательность: вопрос предполагает предмет; предмет предполагает выделение; выделение предполагает различение; различение предполагает некоторое основание различения. Это основание, однако, не обязательно должно быть осознанным субъектом. Человек может задавать вопрос, не отдавая себе отчёта во всех предпосылках, которые делают вопрос возможным. Более того, именно отсутствие такого осознания является, вероятно, обычным состоянием мышления. Но если исследование стремится к строгости, оно не может ограничиваться тем, что осознаёт субъект в момент постановки вопроса. Необходимо исследовать также то, что делает этот вопрос возможным независимо от того, было ли это осознано. Здесь возникает первое существенное различие между вопросом как непосредственным актом и условиями возможности вопроса. Вопрос может быть поставлен непосредственно. Но его возможность не обязательно является непосредственной.

## 2. О предмете вопроса

Теперь можно вернуться к первоначальной формулировке: что такое историческое бытие? В этой форме вопрос предполагает, что «историческое бытие» уже является некоторым образом определённым предметом. Но что означает это определение? Если сказать, что историческое бытие — это бытие исторического, мы получим формальное повторение исходного понятия. Если сказать, что историческое есть то, что относится к истории, то возникает необходимость определить историю. Если же определить историю как совокупность произошедшего, необходимо определить, что значит «произошедшее». Таким образом, предмет вопроса не может быть определён посредством простого повторения содержащегося в вопросе термина. Но и отрицание возможности определения не решает проблемы. Если историческое бытие вообще не может быть определено, то становится неясным, о чём именно спрашивается.

Следовательно, вопрос находится в своеобразной зависимости от предмета. Он не может быть поставлен без некоторой определённости предмета, но окончательная определённости предмета, возможно, должна быть получена именно посредством ответа на вопрос. Здесь возникает замкнутая структура. Мы должны знать предмет достаточно для того, чтобы спросить о нём. Но мы спрашиваем именно для того, чтобы узнать, что представляет собой предмет. Это противоречие, однако, не обязательно является неразрешимым. В повседневном познании мы постоянно имеем дело с предварительно определёнными предметами, которые в ходе исследования получают более точное определение. Человек может исследовать неизвестный объект, имея лишь приблизительное представление о том, что перед ним находится. Следовательно, предмет вопроса не обязан быть определён окончательно. Он должен быть определён достаточно для того, чтобы быть предметом вопроса. Но тогда возникает новый вопрос: что означает «достаточно»? Очевидно, что недостаточная определённости препятствует постановке вопроса. Однако чрезмерная определённости также может оказаться проблематичной. Если предмет заранее определён настолько полно, что все его свойства уже известны, вопрос о его природе становится излишним.

Следовательно, между полной неопределённостью и полной определённости должно существовать некоторое промежуточное состояние, в котором предмет уже определён настолько, чтобы быть предметом вопроса, но ещё не определён настолько, чтобы вопрос потерял смысл. Можно назвать это состояние предварительной определённости. Именно она, вероятно, составляет непосредственное условие постановки вопроса. Однако предварительная определённости не является окончательной. Она должна быть достаточной для начала исследова-

дования, но открытой для дальнейшего определения. Таким образом, вопрос предполагает не просто предмет, а предмет, обладающий предварительной определённойностью.

### 3. Предварительное и определённое

Понятие предварительности заслуживает отдельного внимания. Предварительное обычно понимается как то, что предшествует чему-либо последующему. Но если речь идёт не о временной последовательности, а о логической или методологической структуре, предварительное не обязательно означает «более раннее». Определение может быть предварительным не потому, что оно произведено раньше окончательного определения во времени, а потому, что оно служит условием последующего определения. Таким образом, предварительное определение — это определение, которое позволяет осуществить дальнейшее определение, не исчерпывая предмет. Но здесь возникает трудность. Если предварительное определение является условием последующего, то оно должно обладать достаточной определённойностью для выполнения этой функции. Вместе с тем, если оно должно оставаться предварительным, оно не может претендовать на окончательность. Получается, что предварительное определение должно одновременно быть определённым и неокончательным. Это противоречие лишь на первый взгляд является существенным. Ведь определённаяность и окончательность не являются тождественными. Можно определить нечто в одном отношении, не определив его во всех других. Именно поэтому предварительное определение возможно. Однако теперь перед нами возникает другая проблема. Если предмет может быть определённым предварительным, то необходимо определить, что именно делает предварительное определение достаточным.

Иными словами, недостаточно установить, что вопрос предполагает предварительное определение предмета. Нужно определить условия достаточности этого определения. Тем самым мы переходим от вопроса о предмете к вопросу об условиях его определённойности.

### 4. Об условиях определения

Определить нечто — значит провести некоторое различие. Мы определяем предмет не только посредством указания на то, чем он является, но и посредством отделения его от того, чем он не является. Поэтому любое определение содержит отрицательный момент. Определяя историческое, мы тем самым должны указать, чем историческое отличается от неисторического. Но если это так, то определение исторического предполагает некоторое понимание неисторического. Возникает вопрос: можем ли мы определить одно, не определив другое? В некоторых случаях можем. Например, можно определить конкретный объект посредством указания его свойств, не составляя отдельной теории всего того, чем этот объект не является.

Но даже в этом случае отрицательное содержание определения присутствует неявно. Если мы говорим, что данный объект является столом, мы тем самым отличаем его от стула, стены, человека и множества других предметов. Следовательно, определение всегда связано с некоторым пространством различий. Не обязательно все эти различия должны быть явно сформулированы. Однако возможность определения предполагает, что различие вообще возможно. Таким образом: определение предполагает различие; различие предполагает некоторую систему различий; система различий предполагает основание различения. Но что такое основание различения? Если оно само является понятием, то возникает вопрос о его определении. Если оно не является понятием, то каким образом оно может выполнять функцию основания определения? Если же основание различения является непосредственным, то необходимо выяснить, что означает непосредственность. И снова мы оказываемся перед вопросом, который, казалось бы, должен был возникнуть гораздо позже.

## 5. О возможности определения

Теперь становится возможным более точное рассмотрение исходного вопроса. Чтобы спросить о природе исторического бытия, необходимо иметь возможность определить предмет вопроса. Чтобы определить предмет, необходимо иметь возможность проводить различия. Чтобы проводить различия, необходимо иметь основания различения. Следовательно, вопрос о природе исторического бытия предполагает некоторую возможность определения. Но возможность определения нельзя просто принять как самоочевидную. Ведь определение предполагает отношение между определяемым и определяющим. То, что определяется, должно каким-либо образом быть доступно определению. Определяющее, в свою очередь, должно обладать средствами, посредством которых это определение осуществляется. Здесь впервые возникает проблема субъекта. До настоящего момента субъект рассматривался только как тот, кто задаёт вопрос. Теперь же выясняется, что субъект участвует также в определении предмета. Это не означает, что субъект произвольно создаёт предмет. Но он определённым образом участвует в его выделении, описании и концептуализации.

Следовательно, необходимо различать:

1. предмет как то, что существует;
2. предмет как то, что выделено;
3. предмет как то, что определено;
4. предмет как то, о чём поставлен вопрос.

Эти четыре момента могут совпадать, но не должны считаться тождественными. Если их отождествить без дополнительного основания, мы рискуем принять условия знания за свойства самого предмета. Если же полностью разделить их, возникает противоположная опасность: мы можем потерять сам предмет за множеством способов его определения. Таким образом, исследование требует установления отношения между предметом и его определением. А поскольку определение осуществляется в рамках вопроса, необходимо установить также отношение между предметом, определением и вопросом. Получается следующая структура:

предмет → определение → вопрос.

Однако направление этой связи нельзя считать односторонним. Предмет определяет возможность вопроса. Вопрос определяет способ обращения к предмету. Способ обращения определяет характер определения. А определение, в свою очередь, уточняет предмет. Поэтому более точной будет следующая схема: предмет ↔ определение ↔ вопрос. Но и она оказывается недостаточной. Поскольку определение осуществляется субъектом, необходимо включить в структуру субъекта:

субъект → вопрос → предмет → определение → субъект.

Здесь возникает замкнутость, которую нельзя устранить простым исключением одного из элементов. Если исключить субъект, исчезнет вопрос как акт. Если исключить предмет, исчезнет содержание вопроса. Если исключить определение, исчезнет возможность перехода от неопределённости к знанию. Если исключить вопрос, исчезнет направленность исследования. Таким образом, исследование исторического требует рассмотрения не одного элемента, а отношения между ними.

## 6. О постановке вопроса

Теперь можно вернуться к выражению, которое до сих пор употреблялось без достаточного определения: постановка вопроса. Что значит поставить вопрос? Можно было бы сказать: поставить вопрос — значит сформулировать его. Однако формулировка ещё не является постановкой. Человек может произнести предложение «что такое историческое бытие?» и

тем самым воспроизвести грамматическую форму вопроса, не задавая вопроса в содержательном смысле. Следовательно, постановка вопроса предполагает не только языковое выражение. Она предполагает направленность сознания на некоторый предмет. Но и этого недостаточно. Можно осознавать предмет и желать узнать о нём больше, не формулируя определённого вопроса. Следовательно, постановка вопроса предполагает одновременно:

- наличие предмета;
- наличие некоторой неопределённости относительно предмета;
- отношение субъекта к этой неопределённости;
- возможность сформулировать требование определённости.

Таким образом, вопрос возникает не из полного незнания. Он возникает из определённого незнания. Это различие принципиально. Если я ничего не знаю о каком-либо предмете, я не могу задать относительно него произвольный вопрос. Для постановки вопроса необходимо уже некоторое знание, позволяющее обнаружить собственное незнание. В этом смысле вопрос является своеобразной формой знания о незнании. Мы знаем достаточно, чтобы знать, чего именно мы не знаем. Отсюда следует, что постановка вопроса уже содержит некоторую определённую предмета. Но эта определённая является недостаточной, иначе вопрос не возник бы. Таким образом, вопрос находится между знанием и незнанием. Он предполагает знание, поскольку без него невозможно определить область незнания. И он предполагает незнание, поскольку при полном знании вопрос утратил бы своё содержание. Следовательно: вопрос есть определённое отношение знания к собственному незнанию относительно некоторого предмета. Данное определение, конечно, также требует уточнения. Но прежде чем продолжить это уточнение, необходимо отметить одно следствие. Если вопрос представляет собой отношение знания к незнанию, то вопрос нельзя рассматривать как совершенно внешний по отношению к познанию. Сам вопрос уже является частью познавательного процесса. Следовательно, исследование вопроса о природе исторического бытия не может быть отделено от исследования того познавательного отношения, в рамках которого этот вопрос возникает.

## 7. О возможности вопроса о самом вопросе

Теперь мы можем сделать следующий шаг. Если вопрос предполагает определённое отношение знания и незнания, то вопрос о вопросе должен быть отношением второго порядка. Мы спрашиваем не просто: «Что такое историческое бытие?» но: «Что означает спрашивать, что такое историческое бытие?» В первом случае предметом является историческое бытие. Во втором — отношение субъекта к вопросу о историческом бытии. Однако второй вопрос сам является вопросом. Следовательно, к нему применяются те же условия. Чтобы спросить, что означает спрашивать о историческом бытии, необходимо определить, что означает «спрашивать». Но если определение спрашивания само осуществляется посредством вопроса, возникает новая структура:

вопрос → вопрос о вопросе → вопрос об условиях вопроса о вопросе.

На первый взгляд это может показаться началом бесконечного регресса. Однако само наличие последовательности ещё не означает, что она действительно бесконечна. Необходимо установить, имеется ли некоторое основание, на котором последовательность может остановиться. Возможно, существует элементарная форма вопроса, не требующая дальнейшего анализа. Возможно, условия постановки вопроса могут быть определены без постановки нового вопроса. Возможно также, что всякий вопрос действительно предполагает другой вопрос более общего порядка. Ни одна из этих возможностей не может быть принята заранее. Поэтому было бы неправильно уже сейчас говорить о бесконечном регрессе. Необходимо сначала исследовать структуру самого определения.

## 8. Определение определения

Определение принято понимать как установление содержания понятия посредством указания его существенных признаков. Но если мы хотим использовать понятие определения в качестве основания дальнейшего анализа, необходимо определить само определение. Что означает определить? Если определить — значит установить содержание понятия, то возникает вопрос: что значит установить содержание? Если установить содержание — значит провести различие, то необходимо определить, что такое различие. Если различие предполагает основание, необходимо определить основание. Таким образом, мы получаем:

определение → содержание → различие → основание → определение.

Возникает замкнутая структура. Но эта замкнутость не обязательно является порочной. Возможно, определение действительно невозможно понять вне некоторой системы взаимосвязанных понятий. Тогда требование определить каждое понятие посредством чего-то внешнего привело бы к невозможности определения вообще. Следовательно, определение должно в некоторой мере опираться на уже используемую систему смыслов. Это означает, что никакое определение не возникает из абсолютной смысловой пустоты. Оно всегда осуществляется в некотором горизонте уже имеющегося понимания. Данное обстоятельство имеет непосредственное значение для исторического исследования.

Если историческое определяется посредством понятий, уже принадлежащих определённой исторической и познавательной ситуации, то возникает вопрос о возможности определения исторического вне исторического. Но прежде чем обращаться к этому вопросу, необходимо установить, что означает определение вообще. Таким образом, мы снова возвращаемся к исходной точке.

## 9. О предварительном понимании

Из проведённого анализа следует, что вопрос невозможен без некоторого предварительного понимания. Это положение необходимо отличать от утверждения, будто вопрос невозможен без предварительного знания ответа. Мы можем не знать, что такое историческое бытие, и всё же спрашивать о нём. Но мы не можем спрашивать о нём, не имея хотя бы некоторого понимания того, что означает «историческое» и что означает «бытие». Следовательно, исходный вопрос уже предполагает некоторое предварительное понимание собственных понятий. Это понимание может быть смутным. Оно может быть неполным. Оно может быть даже ошибочным. Но без него вопрос не возник бы в определённой форме. Отсюда следует важный вывод. Вопрос не начинается с абсолютного незнания. Он начинается с некоторого уже существующего понимания, которое обнаруживает собственную недостаточность. Именно поэтому вопрос является не просто выражением незнания, а формой движения от предварительного понимания к его возможному уточнению. Если это так, то исследование исторического бытия должно начинаться не с отказа от всех предварительных представлений, а с их выявления. Нельзя просто сказать: «Мы ничего не предполагаем». Такое утверждение само было бы предположением. Следовательно, методологически более корректно спросить: Что именно мы предполагаем, когда спрашиваем о природе исторического бытия? И этот вопрос уже непосредственно относится к настоящему исследованию.

## 10. К вопросу о границах предварительного анализа

Однако здесь возникает опасность противоположного характера. Если всякое предварительное понимание должно быть выявлено, а каждое выявленное основание требует дальнейшего анализа, то исследование может никогда не перейти к своему предмету. Мы можем установить: что вопрос предполагает предмет; что предмет предполагает определённую форму отношения к предмету; что определённая форма отношения предполагает различие; что различие предполагает основание; что основание предполагает определение; что определение предполагает понимание; что понимание предполагает субъекта; что субъект предполагает определённую форму отношения к предмету; и так далее. Каждый следующий шаг может быть оправдан предыдущим. Но именно поэтому необходимо установить предел такого движения. В противном случае методологическая строгость превратится в препятствие для самого исследования. Вопрос, следовательно, состоит уже не только в том, какие условия необходимы для постановки вопроса, но и в том, какие из этих условий необходимо исследовать до того, как мы вправе перейти к предмету. Иначе говоря, возникает проблема достаточности предварительного анализа. Необходимо исследовать основания. Но необходимо также знать, когда исследование оснований достаточно. Это различие представляется принципиальным. Если остановиться слишком рано, мы рискуем принять неосознанную предпосылку за основание. Если остановиться слишком поздно, мы рискуем принять сам анализ предпосылок за предмет исследования.

В обоих случаях возникает ошибка, хотя и различного характера. Первую можно назвать недостаточной предварительностью. Вторую — чрезмерной предварительностью. Задача дальнейшего исследования будет состоять, в частности, в том, чтобы определить отношение между ними. Однако такое определение невозможно осуществить, пока не установлено, что именно следует считать основанием вопроса. Поэтому непосредственный переход к историческому бытию пока остаётся невозможным. Это утверждение не означает, что историческое бытие не существует или что его невозможно познать. Оно означает лишь, что исследователь ещё не обладает достаточным основанием для того, чтобы говорить о нём в качестве определённого предмета строгого анализа. Таким образом, исходный вопрос временно должен быть отложен. Не отменён. Не отвергнут. Именно отложен — до установления условий, которые позволят вернуться к нему уже на более определённом основании. Здесь необходимо сделать последнее замечание. Возможность такого возвращения сама должна быть обоснована. Если исследование временно оставляет предмет, оно должно показать, каким образом последующее возвращение к предмету будет отличаться от первоначальной постановки вопроса. Иначе исследование просто совершит круг, в котором первоначальный вопрос будет повторён после продолжительного предварительного анализа. Следовательно, необходимо установить не только условия постановки вопроса, но и условия возвращения к вопросу.

Однако возвращение к вопросу возможно лишь в том случае, если вопрос сохраняет свою тождественность после произведённого анализа. Возникает поэтому ещё одна проблема: если изменилось наше понимание предмета, остаётся ли прежним сам вопрос? Если вопрос изменился, можно ли считать, что мы вернулись к исходной проблеме? Или первоначальный вопрос был лишь предварительной формой того вопроса, который должен быть поставлен впоследствии? Если последнее верно, то исследование не просто отвечает на вопрос. Оно изменяет саму форму вопроса. Тогда оказывается, что вопрос является не только началом исследования, но и его результатом. Иными словами, исследование начинается с вопроса, но может завершиться тем, что будет найден другой вопрос, более соответствующий определённости предмета. Это обстоятельство имеет фундаментальное значение. Возможно, что истинная задача философского исследования заключается не столько в нахождении ответа на первоначально поставленный вопрос, сколько в установлении того, каким должен быть вопрос, чтобы ответ

на него вообще имел смысл. Если это так, то исследование исторического бытия должно быть готово к возможности того, что его первоначальная формулировка окажется лишь предварительной. Но именно поэтому она необходима. Без неё не было бы движения. Не было бы различия между исходным пониманием и последующим. Не было бы возможности обнаружить недостаточность первоначальной постановки.

Таким образом, первоначальный вопрос не является ошибкой лишь потому, что он предварителен. Он является условием дальнейшего определения. Однако условие ещё не является результатом. И потому на данном этапе мы вправе сделать лишь один вывод. Вопрос о природе исторического бытия может быть поставлен только при наличии некоторого предварительного понимания исторического бытия; однако само это предварительное понимание ещё не может считаться достаточным для окончательной постановки вопроса. Следовательно, прежде чем исследовать природу исторического бытия, необходимо исследовать условия, при которых историческое бытие может быть определено как предмет вопроса. Но условия определения предполагают определённое понимание определения. А понимание определения предполагает некоторое понимание различия. Различие предполагает основание. Основание предполагает возможность его определения. И потому вопрос, с которого началось настоящее исследование, приводит нас к необходимости исследовать не только историческое, но и саму структуру определения. На этом этапе, однако, было бы преждевременно делать вывод о том, что мы удалились от первоначального предмета. Возможно, напротив, именно здесь впервые обнаруживается его подлинная сложность. Ведь если историческое бытие не может быть определено без обращения к условиям определения, а сами условия определения обладают исторической обусловленностью, то вопрос о природе исторического бытия неизбежно окажется связанным с вопросом о возможности самого определения.

Но этот вопрос требует самостоятельного рассмотрения. Поэтому непосредственно к историческому мы пока перейти не можем.

## **Глава II. Предварительные основания исторического**

### **1. О необходимости предварительного определения**

В предыдущей главе было установлено, что вопрос о природе исторического бытия не может быть поставлен без некоторого предварительного понимания того, что именно следует считать историческим. При этом было также показано, что такое понимание не может быть окончательным, поскольку окончательность определения предполагает уже завершённость того исследования, началом которого это определение должно служить. Иначе говоря, мы оказались перед необходимостью определить предмет исследования, не утверждая при этом, что определяем его окончательно.

На первый взгляд данное положение может показаться противоречивым. Если предмет определён, то почему его определение не является окончательным? Если же оно не окончательно, то в каком смысле можно говорить о том, что предмет вообще определён? Однако это противоречие возникает лишь в том случае, если всякое определение рассматривать как окончательное установление содержания определяемого. Между тем определение может иметь и предварительный характер. В таком случае оно не завершает движение мысли, а лишь устанавливает его исходное направление.

Следовательно, нам необходимо определить историческое настолько, чтобы иметь возможность исследовать его, но не настолько, чтобы исследование оказалось завершённым ещё до своего начала. Это различие существенно. Предварительное определение не является неполным окончательным определением. Оно является определением иного порядка: оно не столько сообщает, чем предмет является во всей полноте, сколько устанавливает границы, внутри которых предмет может быть поставлен в качестве предмета исследования. Поэтому задача настоящей главы состоит не в том, чтобы дать окончательное определение исторического, а в том, чтобы установить несколько исходных различий, без которых последующее исследование было бы лишено необходимой определённости. Такими различиями являются различия между историей, историческим и историчностью. При этом уже здесь следует сделать оговорку. Если эти понятия различаются, это ещё не означает, что между ними существует простая внешняя граница. Напротив, возможно, что каждое из них предполагает другие. История может предполагать историческое, историческое — историчность, а историчность — некоторую уже имеющуюся историю.

Но именно эта взаимная обусловленность и представляет для нас интерес. Если история не может быть понята без исторического, а историческое — без определённой формы историчности, то перед нами возникает не последовательность трёх независимых понятий, а определённая структура. Следовательно, необходимо начать с наиболее очевидного. С истории.

### **2. История как то, что произошло**

В самом общем смысле история есть то, что произошло. Это определение, разумеется, не является новым. Более того, оно настолько очевидно, что может показаться почти лишённым содержания. Однако очевидность определения ещё не делает его бесполезным. Когда мы говорим, что история есть то, что произошло, мы прежде всего отделяем её от того, что не произошло. История не есть возможное как таковое. Не есть будущее как ещё не наступившее. Не есть чистая возможность события. История относится к тому, что уже совершилось. В этом смысле историческое знание всегда обращено к некоторому «уже». Даже если речь идёт

о событиях, последствия которых продолжаются в настоящем, само событие, поскольку оно стало предметом исторического рассмотрения, рассматривается как произошедшее. Следовательно, временная структура здесь не является случайной характеристикой.

История предполагает различие между тем, что ещё не произошло, тем, что происходит, и тем, что уже произошло. Но из этого сразу возникает трудность. Если история есть всё то, что произошло, то история должна включать в себя всё произошедшее без исключения. Каждое движение человека, каждый звук, каждое падение камня, каждая мысль, возникшая и исчезнувшая в сознании, каждое изменение температуры, каждая частица материи, изменившая своё положение, в равной степени относятся к произошедшему.

В таком случае история оказывается практически совпадающей с самим прошлым. Но если история совпадает со всем произошедшим, возникает вопрос: почему мы обычно называем историей далеко не всё то, что произошло? Мы говорим об истории государства, истории войны, истории науки, истории религии, истории общества, истории культуры. Мы говорим об исторических событиях, исторических процессах, исторических личностях. При этом никто не считает необходимым сообщать в историческом исследовании о каждом движении воздуха, произошедшем в момент битвы, или о каждой отдельной мысли, которая могла возникнуть у каждого участника события.

Очевидно, следовательно, что между всем произошедшим и тем, что называется историей в обычном смысле, существует различие. Это различие может быть объяснено тем, что история является не просто совокупностью произошедшего, но определённым образом организованной совокупностью. Однако слово «организованной» требует осторожности. Организация предполагает принцип. Если произошедшее организуется, должно существовать основание, согласно которому одни произошедшие события связываются между собой, а другие остаются за пределами данного рассмотрения.

Таким образом, первоначальное определение истории как того, что произошло, приводит нас к необходимости уточнения. История есть то, что произошло, но не всякое произошедшее выступает в качестве истории в одинаковом смысле. Именно здесь впервые возникает вопрос об отборе.

### **3. О выборе произошедшего**

Невозможно рассказать обо всём произошедшем. Это положение кажется практически очевидным, но его теоретическое значение значительно больше, чем может показаться. Историческое описание всегда ограничено. Оно имеет начало и конец, определённый предмет, определённую последовательность изложения, определённый масштаб рассмотрения. Даже если историк ставит перед собой задачу описать максимально возможное количество событий, он всё равно вынужден выбирать. Сам объём человеческого прошлого делает полное описание невозможным. Но здесь следует различить две вещи. Во-первых, невозможность описать всё произошедшее. Во-вторых, необходимость выбирать то, что подлежит описанию. Первая связана с ограниченностью человеческого знания. Вторая имеет более глубокий характер.

Даже если предположить существо, способное знать всё произошедшее до мельчайших подробностей, проблема выбора не исчезнет полностью. Поскольку знать всё — ещё не значит рассматривать всё в одном и том же отношении. Если мы хотим написать историю определённой войны, нам необходимо выделить события, имеющие отношение к этой войне. Если мы исследуем экономическую историю определённого общества, нас интересуют прежде всего те отношения и процессы, которые позволяют раскрыть соответствующую сторону его существования.

Следовательно, историческое знание предполагает некоторую структуру значимости. Значимость здесь не следует понимать исключительно как субъективный интерес историка.

Если я случайным образом выбираю один факт из бесчисленного множества фактов прошлого, это ещё не делает его исторически значимым. Историческая значимость предполагает возможность установить связь между данным фактом и некоторым более широким историческим целым. Например, изменение цены определённого товара может быть совершенно незначительным само по себе. Но если это изменение связано с более широким экономическим процессом, оно приобретает иной статус. Тем самым значение события определяется не только самим событием. Оно определяется также его отношением к другим событиям. Можно сказать иначе: историческое значение не находится в событии как изолированном предмете. Оно возникает в структуре отношений. Но если это так, то история не может быть понята только как сумма произошедших вещей. Она предполагает определённый порядок их соотнесения. И здесь возникает понятие исторического.

#### **4. О различии истории и исторического**

Если история есть то, что произошло, то историческое не может быть просто другим названием для истории. Иначе различие между понятиями было бы лишним. Историческое должно обозначать некоторую характеристику или структуру, благодаря которой произошедшее может быть рассмотрено как историческое. Это положение требует некоторого уточнения. Слово «историческое» может употребляться в нескольких смыслах. Иногда под историческим понимается просто относящееся к истории. Историческое событие — событие, имеющее место в истории. Исторический факт — факт, относящийся к прошлому.

Однако такое определение ничего не объясняет. Если историческое — это то, что относится к истории, а история — то, что произошло, тогда историческое есть то, что относится к произошедшему. Но что означает «относиться»? Если речь идёт только о временной принадлежности, то историческим будет всякое прошлое. Если же речь идёт о значимости, тогда необходимо определить, каким образом значимость возникает. Поэтому более содержательным представляется другое понимание. Историческое есть то, посредством чего произошедшее становится возможным как произошедшее. На первый взгляд эта формулировка может показаться чрезмерно абстрактной.

Однако она позволяет избежать сведения исторического к простому прошлому. Историческое здесь обозначает не сам факт произошедшего, а ту структуру, благодаря которой произошедшее может быть выделено, связано, определено и понято как произошедшее. Историческое, таким образом, не является вторым названием истории. История отвечает на вопрос о том, что произошло. Историческое требует постановки другого вопроса: каким образом произошедшее может быть дано в качестве произошедшего? Различие это невелико в словах, но значительно по смыслу. Представим, что некоторое событие произошло, но не оставило никаких следов. Означает ли это, что оно перестало быть частью прошлого? Разумеется, нет. Оно произошло независимо от того, известно ли нам о нём. Следовательно, историческое не может быть тождественно историческому знанию. Историк не создаёт прошлое тем, что его исследует. Но историк создаёт определённую форму отношения к прошлому.

Именно поэтому необходимо различать произошедшее, исторически данное и исторически осмысленное. История относится к произошедшему. Историческое относится к возможности определения произошедшего как имеющего определённое место в структуре времени и отношений. Историческое знание относится к способу, которым эта структура становится предметом сознательного познания. Таким образом, мы уже имеем как минимум три уровня: произошедшее; историческое; знание исторического. Однако и это различие пока недостаточно.

## **5. О произошедшем и исторически значимом**

Если всякое произошедшее является частью прошлого, то не всякое произошедшее является исторически значимым. Данное утверждение требует основания. Можно было бы сказать, что исторически значимым является то, что имеет последствия. Но последствия имеют практически все события. Даже событие, которое кажется совершенно незначительным, включено в цепь последующих состояний мира. Можно было бы определить значимость через масштаб последствий. Однако и это определение оказывается недостаточным. Незначительное с точки зрения одного исторического процесса может оказаться значительным с точки зрения другого. Случайная встреча двух людей может не иметь заметных последствий для общества в целом, но иметь решающее значение для истории определённой семьи. Изменение положения одного предмета может быть ничтожным в истории человечества и существенным в истории конкретного технического процесса. Следовательно, значимость не является абсолютным свойством события. Она определяется отношением события к определённой системе рассмотрения. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Если историческая значимость относительна некоторому историческому целому, то историческое целое само должно каким-то образом быть определено. Но тогда возникает замкнутость. Мы определяем событие как исторически значимое через его отношение к истории, а историю определяем через совокупность исторически значимых событий.

Это возвращает нас к проблеме круга. Однако круг здесь не обязательно означает ошибку. Возможно, мы имеем дело не с логической ошибкой определения, а с взаимной обусловленностью элементов. Целое определяет значение части, но целое в свою очередь существует как целое только благодаря отношению его частей. Язык также невозможно понять, рассматривая каждое слово совершенно независимо от языка как целого; но язык как целое не существует независимо от употребления слов. Подобным образом историческое целое может определять значение отдельного события, тогда как само целое раскрывается через взаимосвязь отдельных событий. Если это так, историческое нельзя искать исключительно в отдельном событии. Оно находится в отношении. Историческое есть структура связи между произошедшим, его временным положением, его отношением к другим произошедшим и возможностью определить эту связь. Но здесь возникает следующий вопрос.

Если историческое есть отношение, то между чем именно устанавливается это отношение?

## **6. О времени как условии исторического**

Первым ответом является время. Без времени нет истории. То, что произошло, отличается от того, что ещё не произошло, прежде всего своим временным статусом. Но одного времени недостаточно. Если бы историческое было просто тем, что находится в прошлом, то всякое прошлое было бы историческим в одинаковом смысле. Между тем историческое предполагает не только различие «до» и «после», но и определённую связность. История не есть собрание временных точек. Если событие А произошло раньше события Б, это ещё не означает, что между ними существует историческая связь. Не всякая последовательность является историческим процессом.

Поэтому необходимо различать временную последовательность и историческую последовательность. Временная последовательность сообщает нам, что одно было раньше другого. Историческая последовательность требует большего: она предполагает, что порядок событий может быть осмыслен как определённое становление. Но что означает становление? В самом общем виде становление есть переход от одного состояния к другому. Если нечто изменяется,

то оно уже не является тем, чем было прежде. Однако изменение само по себе ещё не является историческим. Камень может быть нагрет солнцем, дерево может сгнить, звезда может изменить своё состояние. Всё это изменения. Но называем ли мы их историческими? В широком смысле — возможно. В узком смысле — обычно нет. Следовательно, историческое не может быть ограничено только изменением.

Нам необходимо нечто иное. Вероятно, это «иное» связано с тем, что изменение становится частью определённой последовательности, в которой прежнее состояние сохраняется в качестве условия последующего. Историческое предполагает память изменения. Но память не обязательно должна быть сознательной. След последующего состояния в предыдущем может сохраняться объективно, даже если никто не помнит о предшествующем состоянии. Таким образом, история предполагает не просто изменение, но сохранение различия между тем, что было, и тем, что стало. Историческое возникает там, где прошлое не исчезает бесследно, а продолжает определять структуру настоящего. Это определение кажется более содержательным. Но и оно немедленно расширяет область исторического. Если прошлое сохраняется в настоящем, то разве не обладает историчностью практически всё существующее? Каждый предмет имеет предшествующее состояние. Каждый организм возник из предшествующих состояний. Каждое общество существует благодаря предшествующим отношениям. Даже то, что кажется совершенно непосредственным, является результатом некоторой предшествующей последовательности. Следовательно, если сохранение прошлого в настоящем является необходимым признаком исторического, историческое начинает распространяться далеко за пределы того, что обычно называется историей. Пока это расширение не следует считать ошибкой. Возможно, именно обычное понимание истории является слишком узким.

Возможно, история в привычном смысле представляет собой лишь один из частных случаев более общей исторической структуры. Эту возможность следует рассмотреть.

## **7. О расширении понятия исторического**

Если историческое определяется через отношение настоящего к предшествующему, то историческим оказывается всякое существующее, поскольку всякое существующее имеет некоторое предшествующее состояние. Но здесь возникает очевидное возражение. Если всё имеет историю, не исчезает ли само понятие истории? Если историческим является всё, то историческое уже не позволяет отличить один тип существования от другого. Однако такое возражение предполагает, что функция понятия исторического состоит исключительно в разделении исторического и неисторического. Возможно, это не так. Возможно, понятие может иметь смысл не только как средство исключения, но и как средство определения общего основания различных явлений. Например, понятие движения не теряет значения оттого, что различные тела могут двигаться. Напротив, его содержание раскрывается через многообразие случаев движения. Следовательно, широкое понятие исторического не обязательно бессодержательно. Оно может указывать на общую структуру.

Если всякое существование предполагает некоторую последовательность состояний, то историческое может быть понято как способ бытия, при котором настоящее определяется не только тем, чем оно является в данный момент, но и тем, каким образом оно стало тем, чем является. В таком случае историчность относится уже не к событию, а к способу существования. Исторично не только то, что произошло. Исторично то, что является результатом становления. Однако здесь необходимо соблюдать различие между историчностью и причинностью. Всякое состояние имеет причины, но не всякая причинная связь является исторической. Причина может быть непосредственной, закономерной, повторяющейся. Историческая же связь предполагает определённую необратимость. Если событие А стало условием события Б, а Б — условием В, то последовательность А—Б—В не обязательно может быть обращена без изме-

нения её содержания. Историческое связано с тем, что произошедшее не просто предшествует настоящему, но входит в его состав как условие его определённости. Здесь появляется ещё одно различие. Историческое не есть просто прошлое. Оно есть присутствие прошлого в определённости настоящего. Это присутствие может быть явным или скрытым, осознанным или неосознанным, материальным или символическим. Но в любом случае оно предполагает отношение.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.